

Игорь Тихонов

**ЗАПИСКИ
ИЗ ЗАКРЫТОГО КБ
–
ФОРМУЛА ЛЮБВИ**

Игорь Тихонов

**Записки из закрытого
КБ - Формула любви**

«Автор»

2026

Тихонов И.

Записки из закрытого КБ - Формула любви / И. Тихонов —
«Автор», 2026

Герой после окончания электротехнического института оказывается в одном из советских конструкторских бюро, которое занимается разработкой сложных биотехнических систем. Показана жизнь закрытого КБ изнутри, глазами героя, описаны условия работы и отдыха сотрудников КБ, их взаимоотношения. Герой приобретает профессиональный опыт, вчерашний студент становится ведущим инженером, встречает свою любовь и открывает для себя формулу настоящей любви.

© Тихонов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЗАПИСКИ ИЗ ЗАКРЫТОГО КБ	5
ВЗРЫВ	5
ПОДВАЛ	9
НОВАЯ ГРУППА	12
СУММА ТЕХНОЛОГИЙ	15
ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ	17
МАРКИЗ	19
ПРЕДБАННИК С КАССОЙ	21
НАВОДНЕНИЕ ИЗ УНИТАЗА	22
НАДЯ	23
10 000 ДНЕЙ	25
УРОК НЕ ВПРОК	26
ПОДСОБНЫЕ РАБОЧИЕ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Тихонов

Записки из закрытого КБ - Формула любви

ЗАПИСКИ ИЗ ЗАКРЫТОГО КБ

ВЗРЫВ

Резкий хлопок. От неожиданности закладывает уши. В воздухе висят хлопья чего-то белого, комнату заполняет кислый, кислотный запах.

Бойчук сидит напротив меня с вытянутым удивлённым лицом.

Все вокруг смеются. Мы с Бойчуком не понимаем, что происходит.

Это наш с Бойчуком первый рабочий день в вычислительном отделе.

Рано утром мы пришли к дому на 1-ой Советской улице в самом центре запутанного микрорайона между Лиговским и Суворовским проспектами. Нас определили в сектор Эдуарда Михайловича, крепкого мужчины с чёрными усами. Этот сектор занимается разработкой биотехнических систем, предназначенных для подготовки спортсменов, в основном пловцов и фигуристов. Эдуард Михайлович усадил нас за столы, заставленные осциллографами, частотомерами, блоками питания и заваленные печатными платами.

Наше первое задание – настроить по одной печатной плате. Вот их схемы, вот осциллограф, вот паяльник, пинцет, скальпель. Подключайте платы к источникам питания и проверьте по схеме прохождение сигналов через микросхемы. Если нужного сигнала на выходе платы нет, нужно найти то место на плате, где входной сигнал теряется, и всё исправить: заменить микросхему, если она неисправна, пропаять печатные проводники в местах трещин и так далее. В общем – давайте, работайте.

Это – всё равно, что взять не умеющего плавать и бросить его в воду прямо посередине бурного моря – научиться плавать, если жить захочет! Проверить прохождение – это, конечно, хорошо, если знаешь, где осциллограф включается, и как паяльником пользоваться. А в tomto и дело, что в институте мы это не проходили: не было таких практических занятий. Нет, конечно, я проработал месяц техником на какой-то кафедре на соседнем факультете, но там я занимался исключительно перетаскиванием тяжелой аппаратуры с места на место и поиском чего-нибудь ценного на свалке, куда богатые кафедры выбрасывали то, что им уже не было нужно, а для нашей замухрышной кафедры оказывалось подарком небес. Когда начались дожди, и ковыряться в кучах хлама стало холодно, я свалил с этой кафедры. Как пришёл неучем, так неучем и ушёл.

Ну, зато у нас были практические занятия по изучению биологических объектов.

Как сейчас помню жуткую картину: двое из параллельной группы занимаются препарированием кошки. Один такой длинный, тощий, под два метра ростом, другой – маленький, но тоже тощий - как Пат и Паташон. Длинный стоит с зелёным лицом, а короткий – наоборот, с красным. Сiju, смотрю в стену все эти два часа: когда ж это кончится?! Эта кошка у нас в гардеробе жила...

Или вот – изучение рефлексов в лапке лягушки. Кто сказал, что девчонки боятся лягушек? Чёрта с два! Они ловко выхватывают лягушку из аквариума и препарируют её ножницами, как будто всю жизнь об этом мечтали. Потом её ножку подключают к источнику электри-

ческого тока, и -о чудо! - ножка дёргается. Оказывается, академик Павлов-то был прав, и мы его правоту только что блестяще подтвердили! Да вот только, зачем кошку и лягушку убили? Не жалко было? Мы и так вам верим, вон в учебнике всё написано и с картинками даже.

Кошки и собаки умнее людей бывают, и лягушки, наверно, тоже.

Лучше б паять нас научили.

Бойчук – быстрый и решительный, энергия из него так и прёт: фамилия обязывает. Бойчук – настоящий спортсмен, он – инструктор по туризму, разряд имеет! Это тебе не пробежка утром раз в год или погонять в футбол во дворе. Бойчук – надёжный, как скала, и, как там про Штирлица было, «в связях, порочащих его, замечен не был». Тут главное то, что «замечен не был», а что на самом деле было, нас не касается. Хочется добавить ещё: характер нордический, но это уже будет перебор, чистое враньё – вовсе не нордический, а, наоборот, весёлый и жизнерадостный.

В нашей группе училось двадцать девочек и пять мальчиков, не считая трёх поляков. Поляков звали: Хайнацкий, Балиньский и Лякус. Удивительный польский язык: если знаешь, о чём разговор, то понимаешь чуть ли не каждое слово, особенно, если голову поднапрячь и уши развесить. Это тебе не вьетнамцев слушать, которые учились в параллельной группе. Те говорили так: «... ням-ням-ням... д-л-и-н-а-с-в-о-б-о-д-н-о-г-о-п-р-о-б-е-г-а... ням-ням-ням...» Ни черта не поймёшь! Что вьетнамский, что китайский – не для наших мозгов: как с другой планеты люди.

Лучше бы нас паять научили вместо того, чтобы сидеть, к примеру, на лекциях по физике у профессора Блинова. Один раз на блиновской лекции смешная история получилась. Зимой дело было, не проснуться ни за что, да ещё – первая пара, как на грех. Сидим, боремся с зевотой. Блинов - старенький, наверно, под семьдесят ему уже, такой седенький колобок. Бормочет что-то себе под нос и выписывает мелом на доске очередную длиннющую формулу, что-то многоступенчатое.

– Тут мы двоечки сокращаем, - зачёркивает двоечки в числителе и в знаменателе медленно-медленно, - двоечки сокращаем... сокращаем...

Ни одной мухи не видно: потому что зима или потому что на лекции у Блинова все передохли?

Он сокращает эти двоечки уже не первый год, наверно, самому надоело их сокращать, однако, на экзамене, говорят, режет всех вдоль и поперёк, хочешь-не хочешь, а грызи гранит его науки. Хайнацкий учится неплохо, вон он на первом ряду сидит, каждое слово Блинова себе в конспект записывает. Лякуса на первой паре не видать – он отрывается вовсю по вечерам и по ночам. А что ему будет? Возьмёт перед экзаменом у кого-нибудь конспект почитать и свои три балла получит. Его ж никто из института не выпрет, он же – живое воплощение дружбы и сотрудничества между нашими братскими социалистическими народами. Балиньский появляется на лекциях, когда ему удаётся продрать глаза после вчерашнего. Вот и на этот раз в середине первого часа тихо-тихо открывается дверь – и шмыг Балиньский рядом со мной за парту, разложил тетрадки свои, подпёр лапкой голову, закрыл глазки и замер, как будто сидел тут с самого начала. Сидел, сидел, потом вдруг - хрясь в проход со страшным грохотом, только подмётки мелькнули над тетрадками! Уж на что Блинов глуховат и ничего не замечает, а и то возбудился: это что у вас там происходит? А – ничего не происходит. Молчок.

С Хайнацким мы дружили, да и с Балиньским тоже, нормальные были ребята. Только Ляскус был единоличник, ходил весь в бархате, вельвете и облаках одеколona. Зато имел большой успех у отдельных представительниц женского пола. У нас была вечная проблема: что девочкам на восьмое марта дарить – их много, хочется каждой не самый некудышный подарок подарить, а денег – в обрез. Выкручивались, как могли. Оказалось, хорошо сделать один общий подарок, сразу всем, какой-нибудь торт или кучу конфет повкуснее, а потом ещё каждой – что-нибудь маленькое, но тоже полезное. Один раз в качестве такого общего подарка мы с Костей Севастьяновым нарисовали огромный плакат. На нём написали стихи собственного сочинения: передрали из детской песенки «Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши девчонки?» А потом так: «Из загадок и шоколадок, из Алгола и рок-н-ролла сделаны наши девчонки!» и ещё дальше в том же духе. А вокруг стихов – ромашки и портреты всей нашей группы. С портретами было просто: навыврезали из старых журналов красивых девушек, а потом приклеили им головы наших девчонок из фотографий. И свои физиономии тоже приклеили на фигуры спортсменов-штангистов. Фотографиями Костя занимался: ходил перед лекциями и всех фотографировал «для истории». Один только Ляскус отказался фотографироваться, выказал нам ноль внимания и фунт презрения. Ну, тогда мы ему отомстили за это: пририсовали его в самом низу плаката - лежащего на травке в чём мать родила и нюхающего цветочек. А чтоб никто не сомневался, что это именно Ляскус там валяется, на одной его толстой ягодице так и написали крупными буквами: «ЛЯСКУС». Как пишется на задку у «Запорожца» по-украински: «Запорожець», так и тут получилось - чтоб не обознаться.

Эдуард Михайлович, улыбаясь в усы, говорит Бойчуку, что ничего, мол, все через это проходили, это электролит взорвался, конденсатор такой, если перепутать у него питание, плюс и минус, на плате же нет обозначения «плюс-минус», как на батарейке, тут же и так всё понятно, к каким контактам разъёма нужно плюс и минус подключать, вон же прямо по шинам разводки можно посмотреть. Это ж очевидно!

Ну да, это им всем очевидно, а нам с Бойчуком – нет.

Просто Бойчук думает и делает гораздо быстрее, чем я. Если бы он меня не опередил, я бы сделал то же самое.

И как же это нас с Бойчуком занесло в вычислительный отдел?

А по распределению – вот как.

После окончания института нас, нескольких выпускников, распределили в это КБ. Нас ждали начальники отделов, куда требовались молодые свежееиспечённые специалисты. Каждый начальник называл свой отдел, рассказывал, чем в этом отделе занимаются, и спрашивал, кто хочет идти к нему работать. Ну, с некоторыми нашими однокашниками было всё ясно уже с самого начала: Жавковский из параллельной группы, например, отправлялся прямо в седьмой отдел, там у него родной дядя работал. А для всех остальных это распределение - как рулетка в казино в Монако, куда бог пошлёт. Так вот понемногу дело и пошло: начальник выступает – желающие к нему записываются.

Наконец, один начальник в белом выглаженном халате, очень похожий своими очками на какого-нибудь профессора математики или там, профессора психологии, говорит:

- Я – Нерославский Иосиф Афроимович, начальник вычислительного отдела, мне нужны два человека.

Прямо как у Шурика: «Песчаный карьер – два человека!»

Тишина. Никого. Никого желающих нету: какой тут ещё, на фиг, вычислительный отдел? Для этого надо было заканчивать ФАВТ – факультет автоматизации и вычислительной техники, а мы – ЭФФ, электрофизический, и специальность у нас: электронно-медицинская аппаратура – на грани техники и биологии! Нам нужны датчики для съёма физиологической информации, усилители и всё такое интересное, аналоговое! А вычислительный отдел – это ж электронно-счётные машины: единица-ноль, единица-ноль, скукота.

Однако, пауза затянулась и стала неприличной. В глазах Нерославского что-то промелькнуло: удивление, недоумение или смущение – не понять. Конечно, каждый думает, что дело, которым занимается он, – самое лучшее из всех, и непонятно, как это можно не хотеть работать, хотя бы, к примеру, и в вычислительном отделе.

- Давайте я пойду, - говорю я.

- И я тоже, - говорит Бойчук.

Для Бойчука «сам погибай, а товарища выручай», как сказал Суворов, - не пустые слова. Ещё: «на миру и смерть красна» - тоже неплохо сказано, хоть и не совсем к месту. Это – про нас с Бойчуком, мы ж с ним в такие походы ходили! Вместе комаров кормили, вместе у одного костра отогревались, в штормах на Ладоге тонули, в одной палатке дрыхли.

Теперь пойдём вместе с Бойчуком в вычислительный отдел погибать.

ПОДВАЛ

Бойчук остаётся на 1-ой Советской, а меня переводят в другой сектор, в подвал на Староневском, рядом с метро «Площадь Александра Невского».

Наш отдел – самый большой в КБ, почти сто человек: алгоритмисты, программисты, инженеры-разработчики, техники, чертежники... И размещаемся мы на четырёх площадках по всему городу. Удивительно: Нерославский обращается ко мне на «Вы» и по имени-отчеству. Это совершенно непривычно и царапает ухо. От неожиданности я так прямо и спросил у него: почему бы это? «Потому что ведь и Вы обращаетесь ко мне на «Вы» и по имени-отчеству» - отвечает. Никогда бы не подумал, что такое может быть! Но стало приятно, и нос малость задрался кверху.

Вход в наш подвал – со двора. Во дворе – маленький скверик с тополями и кустиками, стоит пара скамеек, детская песочница, а в конце – гаражи.

Подвал огромный, во всю длину и ширину многоэтажного дома. В комнате, куда привёл меня Нерославский, много народу – комната большая, подвальные окна, в которые видны только ноги прохожих.

Вот моё рабочее место – стол и стул.

Вместе с Наташей Веселовой я буду заниматься разработкой устройства управления магнитографом. Магнитограф – это такой здоровенный многоканальный магнитофон килограммов на сто с толстыми тяжелыми бобинами с широкой лентой. Этот магнитограф является частью большой биотехнической системы «Нептун», которая уже установлена в здании бассейна на Круглом озере под Москвой. В этом бассейне сборная спортсменов-пловцов тренируется к Олимпиаде, которая пройдёт в Москве в первый раз в истории нашей страны. Поэтому все силы брошены на подготовку этих пловцов, чтобы они смогли показать всему миру, на что способны, не ударили бы лицом в грязь.

На ленту магнитографа записывается физиологическая информация, поступающая с датчиков, размещенных на тренирующихся спортсменах, чтобы потом её можно было подробно изучить и понять, как нужно скорректировать нагрузки для достижения пика спортивной формы как раз к самой Олимпиаде. Магнитограф находится в комнате далеко от бассейна, потому что рядом с бассейном – слишком высокая влажность: для электронной аппаратуры это не годится. И тренер, который бежит вдоль края бассейна вслед за пловцом, должен включать и выключать магнитограф дистанционно, чтобы записать информацию в самые нужные и важные моменты тренировки. Вот это-то устройство управления мы с Веселовой и должны сделать.

В самом дальнем углу нашей подвальной комнаты обитает начальник сектора Алексеев. На его столе стоит кожаный коричневый портфель. На спинке стула висит серый пиджак в крупную клетку. На столе лежат листы бумаги, исписанные уборым почерком. Он стоит перед столом, скрестив руки на груди, и покачивается с пяток на носки и обратно – с носков на пятки. Иногда его взгляд устремляется куда-то вдаль, пронзая стены нашей комнаты, иногда – упирается в рукописный текст. Периодически он восклицает, прочищая горло:

- Кхм-м! Гхм-м!

Наверное, где-то внутри себя он произносит речь, конспект которой лежит перед ним на столе.

Потом совершенно неожиданно он тихо и незаметно исчезает, как будто растворяется в воздухе: только что был здесь, а уже - нет.

Звонит телефон: Нерославский вызывает Алексеева к себе.

- Его нет, - отвечаем мы, - куда-то вышел только что. Он – где-то тут, вот и пиджак его здесь, и портфель.

В конце дня Алексеев так же неожиданно материализуется на том же самом месте и в той же самой позе. Загадочный человек!

Большая комната – проходная, потому что в ней, сразу налево, есть дверь в небольшую комнатёнку с крепкой решёткой на окне – царство Вероники Николаевны, хранителя наших материальных ценностей: микросхем, транзисторов, конденсаторов и так далее. «Вероника Николаевна» - очень трудно выговорить без тренировки, сразу спотыкаешься на «ника-ника». Поэтому все зовут её «Вероничка» - и так ей больше идёт.

Мы с Веселовой и магнитографом сидим прямо напротив двери к Веронике.

В комнате Вероники стоит сейф, в котором хранится самое главное богатство – канистра со спиртом. Каждый раз, когда в наш подвал привозят бочку со спиртом, я в качестве помощника Вероники – требуется бесплатная физическая сила для перемещения канистры – наблюдаю, как под расписку материально ответственного лица строго до капли распределяется спирт по научным отделам.

Спирт – это универсальная валюта и универсальный ключ: пол-литра со спиртом открывает любую дверь и является главным доводом в любых переговорах – «ты мне, я тебе», без этого никак.

Помню, как молниеносно наш снабженец Герш Цальевич разрешил техническую проблему, в которую мы упёрлись при разработке очередной системы: в ней на специальной панели должно было отображаться время в цифровом виде. Казалось бы, чего проще: на электронной плате делаем генератор, формирующий серии импульсов, которые затем кратно делятся счетчиками. А с выходов этих счетчиков сигналы подаются на цифровые индикаторы времени. Но проблема в том, что генератор должен быть очень стабильным, нельзя, чтобы частота его импульсов «плавала» - тогда часы будут всё время врать. Короче говоря, нам нужен кварцевый генератор: он выдаёт идеальные импульсы с ничтожной погрешностью. Однако, для этого нам нужен «часовой» кварц, то есть тот, который имеет частоту, кратную двойке, чтобы с помощью двоичных счетчиков разделить её с точностью до секунды. Да ещё нужно, чтобы габариты этого кварца были не метр на метр, а такие, чтобы разместить его на печатной плате. Ничего похожего в имеющихся у нас справочниках нет: везде, как назло, частота, кратная десяти.

Герш Цальевич, маленький старичок в фетровой шляпе и с палочкой в руках, которого прислал нам на подмогу Нерославский, сделал один звонок по телефону, затем попросил Веронику выдать мне пол-литра спирта, мы сели с ним в машину, через полчаса мы были где-то на Васильевском острове у заднего входа какого-то НИИ. Им – бутылку, нам – спичечный коробок с десятком часовых кварцев размером с семечко подсолнуха. Ну и ну!

Возня с устройством управления заняла довольно много времени, но рано или поздно наступает момент, когда все сроки подходят к концу – завтра с утра магнитограф (кровь из носа!) должен быть отправлен на Круглое озеро, а через день и я должен отчалить вслед за ним

в свою первую командировку. Сижу дотемна, хочу напоследок проверить работу устройства во всех режимах. Ну, ладно! Вроде бы устройство работает! Но как же отвратительно выглядит сама плата: вся изрезанная, перепаянная, с лохмами приляпанных сверху проводов! Стыдоба! Что скажет заказчик, если ненароком заглянет внутрь блока с этой несчастной платой?! Надо что-то придумать... Не очень-то придумывается, когда мозги уже все вытекли из ушей за два месяца борьбы с проклятым магнитографом. А! Дак вот же! Канцелярский клей, целая бутылка! Давай-ка приклеим все провода к плате. Прелестно, действительно, намного симпатичнее стало!

Ну, вот оно, Круглое озеро - и вот он, магнитограф. Включаю устройство – не работает! Совсем ни черта не работает! То ли чёртов клей виноват, то ли пока машина везла блок из Ленинграда в Москву, всё растрясла, то ли у меня руки-крюки не из того места растут. Ни хрена не работает! Что же делать?! Что делать-что делать, надо блок назад везти и разбираться, почему не работает. Беру блок с устройством в одну руку, портфель свой – в другую и тащусь на электричке в Москву. Тяжелый же ящик, зараза, железный! В него же, кроме устройства управления, ещё три блока питания запиханы, на разные номиналы.

В электричке в тамбуре меня прижимают к стенке два милиционера в форме.

- Ну-ка! Что в железном ящике везём?

- Дык, это ж блок управления... бе-е... ме-е... В командировке это я... тут...

- Давай-ка документики свои предъяви! И командировочное удостоверение тоже сюда давай!

Уф! Отпустили...

Легко отделался.

В Ленинграде с блоком прямо на работу. Нерославский уже в курсе моих подвигов, к себе вызывает. Ему из Москвы уже звонили.

- Вы же должны были продемонстрировать работу устройства и подписать акт приёма-передачи устройства заказчику, - говорит.

Похоже, моя физиономия всё выразила лучше всяких слов.

- Ладно, - говорит, - идите. Но так больше не делайте.

Ну да, первый блин, как и положено, получился комом. Повезло ещё, что я – инженер, а не медик. Есть такая присказка из разряда чёрного юмора: «За плечами каждого хорошего хирурга – хорошее кладбище».

НОВАЯ ГРУППА

Меня переводят в новую группу, а на спасение магнитографа бросают дядю Васю, Василия Тимофеевича Соколова, самого лучшего нашего инженера. Дядя Вася может в уме посчитать трёхэтажную формулу Шредингера, разработать и починить любую электронную схему. Ну, ещё бы! Ведь дядя Вася служил в радиотехнических войсках, а потом преподавал в радиотехническом военном училище в Пушкине.

В группу Скверчинского входят Боря Грищенко, Женя Павловская, Зиновьев и Тамара. Вся группа Скверчинского сидит тут же, в этой же подвальной комнате, и работает по темам, связанным с космонавтами и пилотами гражданской авиации.

Кто такой Скверчинский, если сказать коротко? Скверчинский – это Громозека из мультфильма «Тайна третьей планеты» (если не видели, посмотрите). Скверчинский такой же огромный, круглый, краснолицый и шумный, как Громозека. То, что Скверчинский уже на работе, можно понять по гоготу, плывущему по коридору.

Грищенко и Зиновьев – нормальные такие ребята, старше меня лет на пять-семь.

Тамара – миниатюрная брюнетка с живыми быстрыми глазами и с короткой стрижкой. Говорят, у неё – очень острый язык, она может так интеллигентно отобрить человека, что тот сразу и не поймёт, обижаться ему или смеяться вместе со всеми.

Кроме группы Скверчинского, в нашей комнате работают еще: Лена Полякова, она, как Женя Павловская, - чертёжница, два Саши, Куликов и Аникин, и техник Марина Лоскутова.

Есть ещё Александр Рац со своей группой. Однажды Рац сказал забавную фразу, которая засела у меня в голове: «наука в нашей стране – это удовлетворение собственных интересов за счет государства». Мне кажется, что это не он сам придумал, что я где-то слышал это раньше, ну да ладно, всё равно он прав, по-моему, так оно и есть на самом деле. В группе Раца работает специалист по фамилии Котляр. Чем он конкретно занимается, я не знаю, но у Котляра есть совершенно потрясающая волшебная портативная настольная вычислительная машина. У машины есть многозарядный индикатор с зелёными цифрами, на который выводятся результаты расчетов. А формулы, по которым делаются расчеты, хранятся на маленьких кассетах, таких же точно, как в кассетном магнитофоне. Такого я никогда не видел! Ну, видел у нас в институте мини-ЭВМ – она занимала целую комнату, а программа в неё вводилась с помощью специальных плоских штырей с дырками. А так, вообще-то, для всех расчетов инженер обычно использует логарифмическую линейку да арифмометр «Феликс», чудесный железный калькулятор килограмма два весом. А я вот, если мне надо что-то быстро посчитать, по старой школьной привычке считаю всё в столбик на промокашке.

Саша Куликов – высокий широкоплечий голубоглазый блондин, весь в джинсах. Ну, просто вылитый ковбой из ковбойских фильмов. Не хватает только ковбойской шляпы и кольта на боку. Очень напоминает киноактёра Олега Видова.

Марина – крупная, вся такая солнечная, сразу же проникаешься к ней доверием, потому что чувствуешь её доброту и душевность.

- Как я люблю Марину! – говорит Скверчинский и в обед приносит Марине пирожное эклер с кремом и шоколадной глазурью.

- Толя, что ж ты делаешь? – говорит Тамара с укором, - ты же знаешь, что Марине нельзя сладкого!

- А мне так нравится смотреть, как Марина ест эклер! С шоколадной глазурью! - отвечает Скверчинский и гогочет.

- Нет, Толя, ты всё-таки – невозможный человек!

Наступают холода. Скверчинский появляется на работе в чёрном заячьем треухе и коротком рыжем клетчатом пальто на трёх пуговицах с рукавами «реглан» по моде шестидесятых годов.

- Толя, ты посмотри, в каком пальто ты ходишь! – говорит Марина. - Ведь ты же инженер! Конструктор первой категории!

- А что такое? – удивляется Скверчинский.

Марина показывает на нижний край пальто Скверчинского, со спины, где ему не видно. Из-под пальто висит коричневая бахрома протёртой до дыр подкладки. Скверчинский поднимает ногу, выворачивается и старается заглянуть себе за спину.

- Ах, это! – Скверчинский расстёгивает пальто, с оглушительным треском отрывает широкую полосу подкладки с болтающимся рваньём и выбрасывает её в корзину для мусора. После этого застёгивает пальто и убеждается, что теперь из-под пальто ничего не торчит. Затем снимает пальто, аккуратно вешает его на плечики и усаживается за свой рабочий стол, как ни в чём не бывало.

- Нет, Толя, ты от меня так просто не отделаешься, - говорит Марина, - значит, так. Завтра – суббота и мы идём с тобой в универмаг покупать новое пальто, потому что так, как ты сейчас ходишь, ходить просто неприлично.

Скверчинский морщится, как от зубной боли...

- Ладно, идём... Если тебе так хочется.

В понедельник Скверчинский является на работу в новом зимнем пальто с отстёгивающимся мехом внутри и в шикарном костюме стального цвета. Это – впечатляющая победа Марины!

Правда, свой треух каким-то чудом Скверчинскому удаётся отстоять.

Коля Зиновьев – очень грамотный инженер, это именно он просто и понятно объяснил мне, как работает триггер. Ну, был у нас в институте один-единственный курс по микроэлектронике. Даже, помню, перед экзаменом читал книгу Букреева про микроэлектронные схемы цифровых устройств. Но потом все эти знания как-то быстро сквозняком из головы выдуло.

А вот теперь, после Зиновьевского растолкования, всё на свои места встало!

Коля – весь светлый: светло-серый отглаженный костюм, светлые волосы, за стёклышками интеллигентских очков в тоненькой металлической оправе - прозрачные глаза.

- Скоро, лет через двадцать-тридцать, не будет никакой аналоговой техники. Будут только цифровые устройства, быстрые, компактные, экономичные. Единица-ноль, единица-ноль, - вещает Коля.

«Фантаст! Кремлёвский мечтатель!» - думаю я. Такой фантастики я сам начитался ещё в школе. Помню, наша учительница по русскому языку и литературе Ольга Александровна в девятом классе задала нам написать домашнее сочинение по роману Достоевского «Преступление и наказание». Пожалуйста вам – три листочка трескучих фраз, одна к одной, ни одной орфографической ошибки! И всё ж таки Ольга Александровна ставит мне четыре, а не пять, да ещё с припиской: «Слабо знаете роман!» Ну, тут Ольга Александровна была совсем не права: вовсе не слабо - я его вообще не читал. Ни единой странички! Просто моя мама работала в то время в библиотеке: я откопал в каком-то пыльном шкафу старую хрестоматию по литературе за 1949 год и содрал оттуда в сочинение всё, что там было про «Преступление и наказание» написано.

- Вы, наверно, читаете только одну фантастику? – сказала тогда Ольга Александровна.

Вот тут Ольга Александровна как в воду глядела: все новые поступления фантастики в маминой библиотеке в первую очередь – мне! Стало стыдно: бросил читать фантастику, но ведь и не начал же, как ни печально это признать, читать классику.

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Понемногу проясняется, чем мы тут все занимаемся.

Вот, предположим, какая-то организация, научный институт или даже министерство хочет автоматизировать работу своих специалистов, занимающихся обработкой физиологической информации, хочет, чтобы анализ этой информации делался не вручную (это долго и может содержать ошибки), а выполнялся бы технической системой сразу же в процессе съёма информации с испытуемого или после завершения эксперимента. При этом нужно, чтобы результат был оцифрован и задокументирован в том самом виде и объёме, который хочет заказчик.

Понятно, что заказчик не получит такую систему завтра. Её нужно спроектировать, разработать, изготовить, настроить и потом только отдать заказчику, чтобы он убедился, что это именно то, что он хотел получить.

Всё начинается с договора о новой теме, который мы заключаем с заказчиком, затем тема проходит все необходимые этапы: эскизный и технический проекты, этапы опытной и промышленной эксплуатации.

Инженеры занимаются разработкой структурных схем комплекса, схем блоков (крейтов) в стойках, схем электронных устройств в блоках. Электронные устройства должны выполнять заложенные в них функции и содержать не более тридцати микросхем на плате: больше наше производство не потянет. Схемы должны быть начерчены в соответствии с ГОСТами, чертежи должны быть завизированы нормоконтролем. Затем конструкторы по электрическим схемам устройств с помощью изоленды на листе прозрачного пластика делают разводку платы, а на производстве изготавливают печатные платы, обрезают их по размеру и сверлят отверстия под установку элементов. Потом электромонтажники паяют на плате микросхемы, резисторы, конденсаторы. Инженер-разработчик, получив готовую плату с производства, настраивает её: подключает к блоку питания, имитатору входных тестовых сигналов, осциллографом проверяет их прохождение, борется с мелкими недочётами производства («сопли», холодная пайка, бракованные микросхемы) и заставляет плату работать так, как было задумано. В конце все настроенные платы вставляются в блоки, блоки – в стойки, а к стойкам подключается готовое покупное оборудование: ЭВМ, печатающие устройства, перфораторы, считыватели перфолент, индикаторы аналоговых сигналов и т.д.

Больше всего работы приходится на долю алгоритмистов и программистов – они крайние во всей этой цепочке. Получив в своё распоряжение технический комплекс, они отлаживают на нём уже не тестовые, а реальные программы и алгоритмы, которые будут переданы заказчику и, может быть, ещё не раз будут доработаны по конкретным пожеланиям заказчика.

Вся документация (описание структурных схем, работы устройств, структурные схемы и листинги программ) должна быть оформлена в виде множества толстенных книг и тоже отправлена заказчику.

Готовые программы зашиваются в постоянные запоминающие устройства (ПЗУ), и получается комплекс-автомат: при нажатии кнопки «Пуск» всё делается в автоматическом режиме, не комплекс, а мечта.

Сдача готового комплекса производится на базе заказчика: проводится множество экспериментов с различными испытуемыми, чем больше, тем лучше – у заказчика появляется уверенность в том, что комплекс работоспособен, надёжен и выдаёт правильные результаты.

В итоге заказчик пребывает в полном восторге: он получает в реальном времени, прямо сразу же, цифровые данные расшифровки множества физиологических сигналов: ЭКГ (амплитуда, длительность зубцов и интервалов, количество экстрасистол), результаты обработки электроэнцефалограммы и реограммы (параметры наполнения кровью сосудов), значения артериального давления и т.д. Всё распечатано, выведено на экран монитора, на кардиограф, печатающее устройство.

Всё прекрасно! Но за всем этим стоит ежедневный, напряжённый, кропотливый труд всех работников нашего КБ снизу доверху. Только всем вместе, работая не за страх, а за совесть, можно добиться результата, за который будет не стыдно.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

- Анатолий Викторович, я - на Олега Кошевого, в нормоконтроль! – говорит Женя.

- Едь, Женечка, едь! – говорит Скверчинский, улыбается и смотрит на Женечку, как кот на сметану.

- Анатолий Викторович, тогда я уже без возврата!

Понятное дело, мы тут все – свои, на дворе лето, солнце, приятный свежий ветерок, кому ж охота париться в пыльном подвале, а домой до Пушкина, где живёт Женя, путь далёк, дак ещё, может, в гастроном завезли чего-нибудь хорошего...

В двухэтажном доме на улице Олега Кошевого, рядом с кинотеатром «Великан», находится наше опытное производство: там сидят конструкторы, электромонтажники, там изготавливают печатные платы, блоки, стойки наших систем. А самое главное, что там есть, это – нормоконтроль. Нормоконтроль следит за тем, чтобы вся документация по научной теме соответствовала положенным нормам и ГОСТам. Всё производство начинается с нормоконтроля. В нормоконтроле царит Татьяна Михайловна Хантвергер. Покуда я на теме «Нептун» работал, общался с ней через день.

Главные направления в нашем КБ – по тематике Звёздного городка, НИИ гражданской авиации в Москве и Лётно-испытательного института в Жуковском, а тематика спортсменов-пловцов, хоть даже и олимпийцев, уже не так ответственна. Поэтому и сил, и ресурсов на тему «Нептун», на которой я раньше работал, поменьше было выделено. Приходилось самому чертить свои схемы на огромном листе миллиметровки, всё в точном соответствии с ЕСКД – единой системой конструкторской документации – и нести на проверку в нормоконтроль. Сколько раз Татьяна Михайловна заворачивала назад мои схемы – и не сосчитать. Не так микросхемы или резисторы обозначены, спецификация неправильная, да много ещё чего было сикось-накось. Зато потом насобачился с первого раза все схемы сдавать. Спасибо за это Татьяне Михайловне! Научила уму-разуму – и всё так вежливо, доброжелательно, без криков и ругани, хотя и могла бы, особенно, в первое время. Очень строгая женщина – ни одной ошибки не пропустит, заставит переделать! Всякий опыт полезен: чтобы генералом стать, нужно сначала в солдатах походить.

Однако, время расслабления закончилось и сейчас на нас навалился технический проект по теме, как раз связанной со Звёздным городком. Технический проект – это такой предварительный набросок будущей системы на бумаге: никакого железа пока что не требуется. Надо разработать структурные схемы системы, функциональные схемы блоков, электронные схемы блоков и печатных плат, провести всё это через нормоконтроль и описать работу каждого устройства в понятной форме. Потом всё это будет напечатано и собрано в виде множества толстых томов, которые отправят заказчику в качестве подтверждения того, что работа идёт, научная мысль кипит и вот-вот заказчик получит уже то, о чём мечтает.

Сейчас все завалены работой по самые уши: нужно успеть к последнему крайнему сроку. Сидим и по вечерам, и по выходным – за отгулы.

Для технического проекта нужно описать работу схемы? Да нефиг делать, я же сам её и разработал!

Так. Пишу: «генератор предназначен для генерирования...». Или «для генерации?...» Так. Так-так-так! Нет, надо как-то проще, вот так: «генератор генерирует...» Да нет! Что за чушь такая! А формирователь, стало быть, «формирует»? Господи, что бы сказала Ольга Александровна про такую писанину?!

Смотрю на потолок - на нём ничего не написано.

Смотрю в окно – за окном молча мелькают чьи-то ноги...

Вот! Вот оно, озарение: Скверчинский всё знает! Надо спросить у него!

- Да-а-а... Да-а-а... - тянет Скверчинский.

- Молодой ишшо! – подтверждает Тамара.

- Да валяй что хочешь. Нам важен конечный результат нагора! Валовый продукт! Всё нужно делать быстро...

Скверчинский приглаживает пятернёй торчащие в разные стороны волосы. Они не обращают внимания на его манипуляции и продолжают жить своей жизнью.

- ... и плохо! – добавляет он и гогочет.

- Неужели ты всерьёз думаешь, что кто-то будет читать то, что ты там понаписал? – говорит Тамара.

Это меняет дело! Конечно! Они - люди грамотные, опытные, знают, что говорят!

Работа пошла легко, как по маслу. Ничто не могло сдержать полёт творческой мысли!

Теперь у меня в каждом абзаце генератор генерирует, формирователь формирует, а преобразователь, кто бы сомневался, преобразует.

МАРКИЗ

Бойчук приносит Жене схему на пятьдесят микросхем, криво нарисованную от руки, и быстро сбегает. Эту схему нужно вставить в технический проект.

Женя говорит, запинаясь от возмущения:

- Анатолий Викторович! Я такое чертить не буду! Делайте со мной, что хотите!

Скверчинский грустнеет: пятьдесят микросхем на одну печатную плату не поместятся – нужно схему разбивать на две.

- Пускай сам чертит! – продолжает Женя.

- Ну, он тебе начертит, - говорит Скверчинский.

- И через нормоконтроль пусть сам проводит! – не унимается Женя.

Пауза.

- Вот что, - наконец решает Скверчинский, - кто начертит эту схему, тот получит неделю отгулов!

Тишина. Все притворяются глухими.

- Хорошо! Две недели отгулов!

Опять тишина. Какой-то тупик: кому нужны отгулы, когда у каждого их и так по сто штук.

- Ну, давайте я попробую, - говорю я неожиданно для самого себя.

«Что ты везде лезешь! – это я уже мысленно, самому себе. – С тобой хорошо говно есть!»

Так говорит моя бабушка тому, кто любит вперёд всех высказывать. Однако, слово – не воробей. Да и нужно же что-то делать – Женю с Бойчуком, и Скверчинского тоже, выручать надо. А то как-то нехорошо получается, не по-пионерски.

От рулона миллиметровки, который стоит в комнате Вероники, отрезаю нужный кусок, потом делю его пополам, чтобы начертить две схемы. Черчу на них рамки, штампы... Н-да, тут работы на три-четыре дня без роздыху...

Через два дня одна схема готова, теперь давай вторую. Ещё два дня – и вот к вечеру разгибаю закаменевшую спину.

Ну, ладно, осталось тут чуть-чуть, но, как в том бородатом анекдоте – «завтра докуём». Сил уже нет никаких, надо топать домой, все уже разбежались.

Завтра утром меня ожидает сюрприз.

На недоделанном чертеже, лежащем на столе, видны чёрные отпечатки тигриных лап. Ну, буквально вся схема затопана грязными лапами! Там, куда ступила мокрая лапа, миллиметровка скукожилась и превратилась в грязную яму. Вся работа – коту под хвост! Вот именно, что коту! Я даже знаю, какому! Понятно, что всё это устроил кот Маркиз, только у него такие огромные лапищи. Маркиз – это кот нашей вахтёрши Анны Ивановны, она живёт в нашем же доме на первом этаже. Ей очень удобно на работу ходить: спускаешься в подвал – и уже на работе. И Маркиз, конечно, за ней всюду таскается. Приедешь на работу – и первый, кого встречаешь, это – Маркиз. Сидит у входа на стуле, сам весь чёрный, пушистый, а нос, подбородок и грудка - белые. И кончики лап – тоже белые, как будто он в белых тапочках ходит. Усы сантиметров по пятнадцать в разные стороны торчат, и хвост – как труба у паровоза. Морда и лапы здоровенные, ростом со среднюю собаку будет. А чего б ему такой мордovorот себе не отрастить, когда каждый сотрудник самое вкусенькое Маркизу тащит!

Это я – идиот, забыл вчера форточку на окне закрыть. Маркиз пошлялся по лужам ночью, потом залез в форточку (как только задница между прутьев решётки пролезла!) и протоптался по моей схеме! Схему - только в мусорное ведро выбросить! Надо всё заново чертить!

Ну, теперь у меня порядок такой: собираюсь домой – всё со стола в ящики прячу, чтоб ничего на столе не оставалось: себе дороже.

После сдачи технического проекта я иду в свой первый отпуск, пишу заявление и несусь на подпись Скверчинскому.

- Анатолий Викторович, я иду в отпуск и беру все свои отгулы.

- Ладно, давай. Пока, - говорит Скверчинский, ставит подпись и утыкается в свои бумаги.

Ого-го! Целых два месяца свободы!

Первый месяц пошёл на ура: я отоспался, отъелся, переделал все свои дела. Следующие две недели прошли немного скучновато, а последние две недели отгулов за Бойчука пришлось просто изнывать от безделья, маяться, как матросу – «если до порта четыре часа»...

Как говорили древние греки: всё хорошо в меру.

Наконец через два месяца я прискакал на работу.

- А мы думали – ты уволился, - удивился Скверчинский.

Вот так память у него, однако!

ПРЕДБАННИК С КАССОЙ

Ну и жара тут у нас в подвале! Надо сходить пообедать и подышать свежим воздухом, если получится, конечно: на улице тоже жаряща, 30 градусов в тени.

Перед нашей огромной подвальной комнатой находится небольшая комнатёнка, в которой умещается только железная вешалка на шарнирах и решетка на окно в кассу, откуда нам выдают зарплату. Мы называем эту комнатёнку: «предбанник». А дальше – поворот и длинный коридор со множеством дверей, за которыми скрываются другие разнообразные подвальные помещения, как-то: научные лаборатории, подсобки, склады, а также «кабинет задумчивости» - квадратная каморка с очень низким потолком и с унитазом в самом её центре, на равном удалении от стен (ну, так получилось у сантехников, с кем не бывает).

Смотрю с неприязнью на вешалку. Зимой, так же как и все наши сотрудники, повесил я на неё свою куртку, а шапку и шарф сунул ей в рукав, перчатки – в карманы. Вечером, уходя домой, перчаток в карманах уже не обнаружил. Долго стоял с открытым ртом, никак не мог поверить, что перчатки пропали, что их уже нет со мной и никогда больше не будет, что их просто-напросто «спёрли», грубо и беспринципно. И кто же? Высокоинтеллигентные люди, кандидаты наук!

Два раза в месяц перед зарешеченным окошком собирается радостно шумящая очередь, хвост которой теряется где-то в конце коридора: скоро из банка приедет наша кассирша Галина Анатольевна и сделает каждого из нас немножко счастливее.

Выхожу из предбанника и иду по коридору.

Навстречу мне идёт Женщина. Время внезапно останавливается...

Нет, она не идёт - она «плывёт», плавно перемещает стройное тело с несоразмерно большим, круглым животом, мягко ставит ступни длинных ног в босоножках. На ней разноцветное, лёгкое, разлетающееся летнее платье. У неё пушистые волосы, заплетённые в толстую косу, лежащую на груди, и зелёные глаза.

Она улыбается, и эта улыбка предназначена ей самой, направлена вглубь себя.

Она улыбается, ощущая в себе движение новой жизни, которая теперь заменила собой всю Вселенную, по степени своей важности расширилась до самых дальних границ Вселенной и вытеснила за них весь прежний мир со всем, что в нём было до этого. И всё, что оказалось снаружи, теперь - неважно, микроскопично.

Да, женщина – это удивительное, высшее существо! А самая прекрасная женщина – это женщина, несущая в себе новую жизнь. Никогда раньше это не приходило мне в голову. Ах, вот почему так прекрасна Мадонна на полотнах великих мастеров! И разве эта удивительная женщина, которую я вижу прямо перед собой, не столь же загадочна и прекрасна, как Мона Лиза в Лувре?

- Вы не скажете, где здесь я могу денежки получить? – говорит она мне певучим голосом.
- Да вот тут, за углом, - бурчу я в ответ и топаю дальше по коридору.

НАВОДНЕНИЕ ИЗ УНИТАЗА

Поздняя осень в Ленинграде – самое неприятное время. Весь мир погружается во мрак: просыпаешься утром – мрак и холод, сидишь на работе – не видишь белого света, идёшь вечером с работы – холод и мрак. А есть ещё и другие неприятные подарки от природы – наводнения. Тут фокус вот в чём: дно мелкого Финского залива плоское, как стол, а когда сильный ветер дует из «гнилого» угла, с юго-запада, он на город гонит воду с моря, на которую сверху наваливается ещё и невиская вода. В итоге нагонная волна устраивает Неве запруды – и вода заливают полгорода, выбрасывая на берег корабли и пароходы.

Вот решили спасти Ленинград от наводнений, построить защитную дамбу, но когда её ещё построят?

Мы сидим в подвале на Староневском возле Александро-Невской лавры, и прогноз синоптиков неутешительный. Идёт циклон и ожидается наводнение до полутора-двух метров выше ординара, как повезёт. Никто точно сказать не может. Может, улицу и не зальёт, но наш подвал залить может. Через канализацию! Вот откуда может на нас наводнение наброситься! Из того самого кабинета задумчивости! Ничего себе!

- А ты что думал? – говорит Скверчинский, - Тут тебе не Сочи и не Куба, тут болото и Северная Венеция.

- Против Венеции я ничего не имею, но канализация – это уже слишком, - говорю я.

- А года два назад было такое: по колено воды было. И дохлые крысы, и всё такое плавало тут в комнатах. Потом месяц проветривали вонищу. Но, может, и пронесёт на этот раз.

Нужно быть готовым ко всяким природным катаклизмам. «Мы не можем ждать милостей от природы», как сказал какой-то учёный (это мы ещё в школе проходили) и оказался, как всегда, прав: уж если будет наводнение, то обязательно будешь в канализации плавать.

Кто предупреждён – тот вооружён. Вынимаем все ящики из столов и шкафов, ставим несколько столов друг на друга, а на них уже – все ящики, как можно выше. Столы-то ещё ничего, вдвоём можно справиться, а вот, чтобы спасти от наводнения ЭМВ «СМ-4» с периферией, нужны усилия всего научного отдела. Одно только алфавитно-цифровое печатающее устройство АЦПУ весит девятьсот килограммов, почти тонну! Стойки ЭВМ поднимаем и ставим на специальные деревянные помосты, которые смастерил наш сантехник, а заодно и плотник, тоже, как и Соколов, дядя Вася. Осталась только махина АЦПУ. Не поймёшь, с какого боку к нему подступиться.

- Облепили-облепили! – командует дядя Вася. - Раз-два, взяли!

Двадцать человек инженеров и конструкторов облепили, напряглись, взяли и подняли АЦПУ, а дядя Вася с помощниками быстро-быстро подсунули под него помост.

Теперь понятно, как древним египтянам удалось построить свои пирамиды: ими командовал дядя Вася.

НАДЯ

Все – на обеде: кто-то ушел в столовую и по магазинам, кто-то - в комнате Вероники с чайником и бутербродами, только мы с Борей Грищенко сидим, уткнувшись в шахматную доску. Борька здорово играет – мне нужно поднапрячь мозги, чтобы у него выиграть. Да в том-то и дело, что напрягать их, особенно в обед, не очень-то охота.

Но Рац играет лучше Борьки: Рац побеждает на шахматных турнирах, которые каждый год проводятся в нашем КБ. Вон там, в актовом зале, висит турнирная таблица: кто – с кем и кто - кого. Рац – очень умный, кандидат наук, занимается какими-то важными документами в своём углу, у него даже есть свой личный секретарь Татьяна.

У Татьяны – новомодная причёска «сассун», каре из чёрных волос, закрывающих брови. У неё огромные ореховые глаза, маленький яркий рот и длинные нервные пальцы, в которых она очень изящно вертит тонкие сигареты. Таня похожа на белогвардейку из киносериала «Гиперболоид инженера Гарина» с Олегом Борисовым.

- Щёлк! - говорит Борька и запросто съедает моего слона безо всякого возмездия с моей стороны.

Из комнаты Вероники выходит Надя, она работает здесь техником.

Надя перемещается туда-сюда по комнате, нам не до неё. Надя подходит к нашему столу, смотрит на шахматные фигуры.

- А я замуж выхожу! – говорит Надя.

- А! Поздравляем... - мычит Борька с набитым ртом: он жуёт очередной бутерброд.

Наши головы забиты шахматами.

- За Сашу Куликова! – говорит Надя, потом берёт у Борьки пустой стакан, откусывает от него кусок стекла и со страшным криком падает на пол. Её тело изгибается, рот весь в крови.

Мы с Борькой вскакиваем и стоим, как столбы. Из комнаты Вероники выбегают все, кто там был. Вероника с Мариной бросаются к Наде, а Таня мгновенно выставляет нас с Борькой за дверь.

Мы с Борькой стоим в коридоре и смотрим друг на друга, вытаращив глаза. Борька в руке жмёт недожеванный бутерброд.

Через пять минут из комнаты выходит Марина и объясняет нам, что Надя – очень больна, у неё бывают такие приступы раз в полгода, она лежит в больнице, там её лечат, она приходит в себя, её выпускают, а через полгода – снова. У Нади это уже давно, как говорят врачи: «на сексуальной почве».

Мы с Борькой не знаем, что сказать. Бедная Надя!

Через полчаса приезжают санитары с носилками и забирают Надю с собой. Надя лежит на носилках тихая и спокойная.

Прошло лето, осень, зима. В троллейбусе - битком народу, все едут на работу. В одной руке у меня – сумка, другой цепляюсь за что попало, хоть падать и всё равно некуда. Сзади осторожно стучат по моему плечу и протягивают талон для компостера.

- Пробеите, пожалуйста!

Беру талон. Оказывается, он аккуратно сложен вчетверо. Это ж надо догадаться!

Одной рукой пытаюсь его развернуть, чтобы сунуть в компостер. Троллейбус на повороте болтается во все стороны.

Это – что, нарочно? Чтоб я набил себе шишку на лоб? Ну, щас я тебе вмажу всё, что думаю по этому поводу!

Пробиваю талон, поворачиваюсь, открываю рот и говорю:

- Здравствуйте?!..

- Здравствуйте, - говорит Надя.

10 000 ДНЕЙ

Опять троллейбус, опять набились в него, как селёдки в бочке. В руках у меня – коробка из-под торта, перевернутая вверх ногами. В коробке – домашнее печенье, во-первых, потому что оно так и называется «домашнее», а, во-вторых, потому что я сам его дома и испёк.

Рецепт очень простой: берём «Книгу о вкусной и здоровой пище», 1954 г., стр. 290 и делаем всё, как там написано, то есть, месим тесто, крутим его через мясорубку, пишем в духовку и через 12 минут наслаждаемся запахами печенья, заполнившими всю квартиру. А потом от души посыпав печенье сахарной пудрой. Обеденье! И сразу – целая гора!

Каждая из селёдок, придавленная ко мне, старается изловчиться и воткнуться локтем точно в коробку с печеньем. Отбиваюсь, как могу.

Этой зимой, после того, как мы на работе отметили мой день рождения - ну, как обычно: кусок торта поувесистей, полчашки шампанского, конфеты, фрукты из ближайшего магазина и всё, что в нём ещё вкусного нашлось - я вдруг подумал, а что это у меня день рождения всё время зимой да зимой, когда слякоть и грязь? Везёт же тем, у кого день рождения летом! Настроение совсем другое! Да и вообще, почему это люди взялись отмечать прожитые года? Наверно, это - выдумки каких-то государственных учреждений: это ведь им нужно знать, когда человека в школу тащить, когда его в армию и на пенсию отправлять, а простому человеку это не нужно, он всегда найдёт повод лишний раз устроить себе праздник – хоть каждый день. А вот интересно, сколько же это я уже дней прокоптил на этом свете? Шас мы это точно узнаем, не зря же меня столько лет в школе и в институте учили! Ну вот, ровно 9882 с половиной дня оказалось. Ничего себе! Это же скоро юбилей будет! 10 000 дней попадает на 25 июня! То есть 10 000 дней – это почти 26 с половиной лет получается. Вот так фокус! Эта половина всё меняет: юбилей попадает на лето! Ха, а у тех, у кого день рождения летом, юбилей – зимой, тоже неплохо, для разнообразия. Да это же открытие мирового масштаба, которое надо непременно отметить!

Являюсь на работу с помятой коробкой.

- Вот! У меня сегодня день рождения!

- Как это? – говорит Тамара, - мы ж тебя ещё в феврале пропили!

УРОК НЕ ВПРОК

Узнаю о Нерославском удивительные факты: оказывается, в 1941 году он был назначен начальником экспедиции на Северный полюс, всю зиму и весну того года он занимался закупкой и подготовкой оборудования для полярной станции СП-2, освоил две дополнительные специальности – радиста и дизелиста. Освоение Севера и Дальнего Востока в то время – это всё равно, что освоение космоса в наше. Спроси любого пятилетнего малявку: кем ты будешь, когда вырастешь? Обязательно – космонавтом! Юрием Гагариным! А в то время – полярником! Однако, помешала война...

Может, от этой несостоявшейся мечты о Севере Нерославский и завёл у себя дома целую оранжерею кактусов? Холит, лелеет, пересаживает их, как заправский ботаник, - просто для контраста с ледяной пустыней мечтает теперь о Сахаре.

Понемногу доходит до меня: почти сто человек в отделе, а чувствую, что попал в компанию не просто сотрудников, а друзей и единомышленников, которые, сидя в подвале, не только не переругались, не передрались друг с другом, а, наоборот, относятся друг к другу с искренним уважением и симпатией, всегда готовы помочь молодому специалисту, новоиспеченному инженеру. Такие отношения в отделе, может быть, в первую очередь от начальника зависят. Я думаю: если человек каждый день тренируется в обращении с кактусами у себя дома, то - что ему на работе сто сотрудников с их колючками? Да, вообще, что Нерославскому сто человек, сидящих в подвале, после команды полярников на дрейфующей льдине, где без психологической совместимости просто смерть?!

Стало известно, что в нашем отделе появилась вакансия программиста. Вот бы сюда Костю перетащить! Мы с моим другом Костей или Кокой, как все его называют, целый месяц на первом курсе на уборке морковки в совхозе Шушары на одних нарах провалялись. Потом вместе по ночному городу шастали, благо он жил возле нашей общаги. А к пятому курсу мы с ним приловчились скучные лекции писать под копирку. Раз – он сидит, парится на лекции, потом отдаёт мне свои каракули, я их себе в конспект вклеиваю, а в следующий раз – я за двоих отдуваюсь.

Короче говоря, набрался я смелости и пошёл прямо к Нерославскому.

- Так и так, - говорю, - есть у меня друг-приятель Кока, светлая голова, в институте он был у нас самый первый по части программирования.

Нерославский на это мне отвечает:

- Я знаю вас, как способного инженера, и ваша рекомендация имеет для меня вес.

Здорово! Захотелось прочистить уши: неужели Нерославский это мне говорит?!

- Позвоните вашему товарищу и скажите, что я жду его завтра к 10 часам.

Проходит два дня. От Кости – ни слуху, ни духу.

Вызывают меня к Нерославскому.

- Ваш товарищ позвонил мне вчера и отказался от того, что мы ему предложили. А предложили мы ему в соответствии со штатным расписанием даже несколько больше, чем есть сейчас у вас.

Полная неожиданность!

- А вы, я вижу, не были в курсе того, какое решение принял ваш товарищ?..

Нерославский помолчал немного.

- Ну что ж, пусть этот случай послужит вам уроком на будущее...

Иду назад в разобранном состоянии.

Дед мой, Сергей Иванович, часто говорил: не хочешь себе зла – не делай людям добра!

А уж он-то знал, о чём говорил – в жизни он многое повидал, прошел от Сталинграда до Вены, спасибо, что живой вернулся. Товарищ Сталин говорил тогда: «Жить стало лучше, стало веселей». Это точно – и «лучше», и «веселей». Бабушка Прасковья Васильевна рассказывала, что перед самой отправкой на фронт он к себе на работу в райком ходил с портфелем, в котором лежали сухари да пара белья. Опасался, что доносы, на него написанные, успеют быстрее, чем повестка из военкомата. И отправится он тогда не на запад, а на восток, куда многих его друзей-товарищей отправили. А сама бабушка, когда ходила в баню, стирала там своё бельё и сушила его на батарее, потому что одеть было нечего. Так и сидела на лавке, пока бельё не высохнет. Хотя, может, это только у них в Ярославской области так было, а в других местах – очень даже ничего, не знаю, врать не буду.

Но мой дед хоть и говорил часто свою присказку, а всё равно продолжал делать точно так же, характер-то свой не переделаешь. И отец мой такой же: придёт с работы на полчаса позже, мать ему: ты где всё ходишь, я не буду борщ по сто раз подогревать. Он в ответ: да вот Лидия Гавриловна просила в аптеку зайти. А Лидия Гавриловна – это наша соседка сверху, ей 89 лет, живёт одна, дочка у неё с мужем - на Кубе. Муж – строитель, строит там чего-то.

И я – такой же, в деда с отцом уродился, яблоку от яблони всё по наследству передаётся, ничему нас жизнь не научит никогда.

ПОДСОБНЫЕ РАБОЧИЕ

Ура! Радостная новость! Нашему ОКБ выделили двухэтажный дом на Лиговском проспекте, рядом с Московским вокзалом. Мы переезжаем из подвала на свежий воздух! Теперь мне от дома до работы – двадцать минут на трамвае или на троллейбусе! Остановка троллейбуса – прямо дверь в дверь с новой работой!

Нужно помочь строителям побыстрее сделать ремонт и быстрее переехать, а то как бы в самый последний момент особнячок не отобрали бы назад. Надо выделить на стройку двух подсобных рабочих! Кто у нас тут самые свободные?

Женщины не в счёт, а самые бездельники, понятное дело, это – мы с Келехсаевым. Конечно, у всех работы хватает, но мы оба, Витька и я, – самые лёгкие на подъём, платим налог за бездетность, ни забот, ни хлопот.

Ладно, а если не мы, то кто же? Келехсаев – бывший военный, капитан запаса, руку под козырёк, а я – комсомолец, бывший пионер, всем ребятам пример, Павка Корчагин и не такое терпел.

Когда на следующее солнечное июньское утро я вывалился из троллейбуса, Келехсаев уже стоял перед дверью на работу с портфельчиком подмышкой.

- Ты должен гордиться честью, оказанной тебе, - сказал мне Келехсаев, - ведь ты становишься частью передового рабочего класса, могильщика капитализма!

Келехсаев умеет говорить правильными лозунгами, наверно, они сидят у него в мозгу в извилине, оставшейся от фуражки.

На Келехсаева хорошо рисовать карикатуры: нарисовал вытянутый череп, как у дыни, высоко на темени - поросли оставшихся волос, под длинным носом - усы (красота!), гордость Келехсаева – вот и весь его образ, мгновенно узнаваемый.

Домик – ничего себе, такой уютненький: входная дверь с козырьком, слева и справа от двери на первом этаже по три окна, на втором этаже окон побольше, в левом углу фасада – арка для проезда во двор. Еще один вход с Лиговского – в подвальное помещение «Союзпечати». Рядом в соседнем доме – пирожковая!

За дверью нас встречает прораб, маленький юркий дядька:

- Давайте быстренько переодевайтесь, щас я дам вам заданье.

У входа направо-налево небольшой коридорчик, ведущий в комнаты, прямо – лестница на второй этаж. Всё завалено строительным мусором, кирпичами, мешками с цементом. Между кучами хлама – узкие дорожки, затопанные сапогами.

Мы, стараясь не запачкаться, переодеваемся в принесённое из дома старьё.

Келехсаев красуется в трениках, «спортивных» штанах, оттянутых на заднице и на коленях. На мне – точно такие же, только у него – линялые синие, а у меня – линялые чёрные, почти белые на оттянутых местах.

Прораб отправляет нас сбивать штукатурку в маленькой комнате на втором этаже.

- Вот! Видишь, доски валяются? Берёшь доску и аккуратно (аккуратно!) сбиваешь со стен и с потолка то, что само отвалится.

- Ну, ясно, разберёмся, - бодро отвечает Келехсаев.

При первом же ударе доской открывается нечто удивительное, ранее нами никогда не виданное: под слоем отвалившейся штукатурки и деревянной дранки обнаруживаются пожелтевшие царские газеты за 1910 год с ятями и твёрдыми знаками чуть ли не в каждом слове!

Работа останавливается.

Самое удивительное в этих газетах – реклама!

В нашей стране слово «реклама» давно исчезло из словаря, а само это понятие давно потеряло всякий смысл: везде, во всех городах лежат в магазинах те же самые ботинки «Скороход», электробритвы «Харьков» по той же самой цене. Настоящая реклама для нас – это хвост длиннющей очереди на шесть часов в Гостином дворе. Что дают?! Финские женские сапоги?! Ну да, висят ещё огромные плакаты «Храните деньги в сберегательной кассе!», но, как сказал Жорж Милославский в кино «Иван Васильевич...», если они у вас есть, конечно. А где же ещё нам хранить наши деньги? В швейцарских банках, что ли? Так за это же полагается конфискация всего имущества и расстрел на месте. Или вот ещё такая реклама: «Летайте самолётами Аэрофлота!» А ещё чем мы можем летать? Бомбардировщиками министерства обороны? А «Слава КПСС!» и «Наша цель – коммунизм!» - это тоже реклама?

Мы-то и не подозревали, что в газете можно печатать такую забавную рекламу – коротенькие сообщения в фигурных рамочках.

И чего тут только нет!

Одеколон, средство от облысения, крем от веснушек, пурген, бальзам для волос, усов и бороды, средство от импотенции, турецкий табак, книга «Мужчина и женщина въ половомъ отношеніи», гувернантка, серьезный мужчина познакомится, излечение сифилиса, избавим от клопов и тараканов...

- Чёрт подери, - говорит Келехсаев, - как интересно жили люди при кровавом царизме!

Через час является прораб.

- Во, молодцы! Теперь давай в соседней комнате то же самое!

Соседняя комната раза в три больше первой.

Келехсаев хватается первую подвернувшуюся под руки доску и весело, с прибаутками из вечного кладезя народной мудрости – армейского юмора, со всей мочи втыкает её концом в потолочный угол. Шутка удалась: мы стоим в непроглядном облаке цементной пыли, двухэтажный дом содрогается от рушащихся кирпичей и балок. Половина потолка лежит в двух шагах перед нами. Сквозь огромную дыру зияют внутренности чердака.

На лестнице слышится топот ног, в туманный проём двери вваливаются строители.

- Я думал: вам п...ц! – сказал прораб.

- Мы тоже так думали, - сказал Келехсаев. Рабочие гыгыкнули.

Келехсаев весь белый: лицо, шевелюра, майка, треники, кеды. Наверное, я – не лучше.

- Вот что, - сказал прораб, размазывая по лбу крупные капли пота, - там на первом этаже есть ведро с водой. Вы умойтесь, переоденьтесь и идите-ка себе домой.

- Ага! - сказал Келехсаев.

- А завтра приходить? – спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.